

**«БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН» А. С. ПУШКИНА
В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО КРЫМУ:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В статье поднимается вопрос о последовательной актуализации пушкинского текста в литературе путешествий по Крыму первой половины XIX века. Использование архивной историко-фактологической базы дает возможность выявить мотивационную составляющую аллюзивного ряда в очерке-путешествии Н. И. Надеждина «Русская Алгамбра» (1839).

Ключевые слова: Бахчисарай, А. С. Пушкин, Н. И. Надеждин, мотивация, интерпретация.

L. A. Oreckhova

**"THE FOUNTAIN OF BAKHCHISARAI" BY A. S. PUSHKIN
IN THE LITERATURE OF TRAVELLING AROUND THE CRIMEA:
PROBLEMS OF INTERPTATAION**

The article aims at the problem of the consecutive actualization of „Pushkin’s text“ in the literature of travelling around the Crimea of the first half of the XIX century. The employment of the historical evidence base presents the opportunity to reveal the motivation component of the allusion line of the travel sketch “Russian Algambra” (1839) by N. I. Nadezhdin.

Key words: Bakhchisarai, A. S. Pushkin, N. I. Nadezhdin, motivation, interpretation.

Практически каждый путешествовавший по Крыму устремлялся в Бахчисарай с заветной мыслью увидеть Ханский Дворец и воспетый А. С. Пушкиным легендарный фонтан. Но задача пушкинского крымоведения была бы слишком легка, если бы предусматривала накопление и иллюстрацию текстовых фактов, приводящих как будто бы к единому выводу: пушкинская поэма в начале XIX века обеспечила своеобразное романтическое представление о Крыме и, несмотря на дальнейшее бурное и всестороннее изучение природы, истории, этнокультуры полуострова, «литературная память» о «пушкинском» Бахчисарае всегда сохранялась и жива поныне. Более глубокое изучение материала убеждает, что литература путешествий по Крыму фиксирует определенные интерпретационные нюансы, объясняемые временным и, стало быть, культурологическим форматом. В частности, можем наблюдать определенные трансформации в восприятии путешественниками поэмы «Бахчисарайский фонтан» до и после посещения ими Ханского Дворца, когда романтическое представление корректируется реальными личными впечатлениями. Впечатления эти зависят не только от исторических реалий (состояние построек Дворца, интерьера и т. п. в разное историческое время), но и от психологического настроя путешественника.

Опыт также показывает, что в литературе путешествий существуют и более сложные мотивации обращения к пушкинскому тексту. Видимая интерпретацион-

ная «прозрачность» иногда маскирует достаточно сложную мотивацию. В частности, один из примеров.

В «Одесском альманахе на 1839 год» появился очерк «Русская Алгамбра», принадлежавший Н. И. Надеждину, известному в России критику и бывшему редактору журнала «Телескоп». В этом очерке, по мысли Ю. Манна [3, с. 40–41], у Н. И. Надеждина заметна перемена отношения к Пушкину, точнее — его творчеству. Дело в том, что в 1839 г. еще у всех на памяти были критические выпады Никодима Надоумки (псевдоним Н. И. Надеждина) против «Графа Нулина», «Евгения Онегина», «Бахчисарайского фонтана». Теперь же в очерке «Русская Алгамбра» «драгоценнейшее украшение» Бахчисарая — Хан-Сарай с его легендарным фонтаном стали предметом восторженного описания. Более того, эпитафией — строками из «Бахчисарайского фонтана» — открывался текст:

*Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.*

Не скупясь на романтические пассажи, Надеждин воспевает образы, рожденные «гением незабвенного Пушкина» и явившиеся ему в тишине опустелого ханского дворца: «О! велико могущество поэзии! — это тихое журчание лениво каплющей струи как вдруг сделалось для нас красноречиво! Вам слышится в нем ропот знакомого голоса. Слезящаяся влага кажется действительно горячею слезою, выкипающею со дна измученного сердца. Вокруг вас возникает рой чудных призраков. Безмолвная пустота населяется, оживает. Кто-то огненным дыханием коснулся вашей щеки... Это она! Это носится Зарема,

ревностью дыша,
Средь опустелого гарема!

Какой-то шелест прокрался в ваш слух... Это он! Это неусыпный дракон, сторожащий заветные, недоступные плоды! Это он,

ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит...» и т. д. [8, с. 377].

И неважно, как звали «любимейшую из жен» Керим-Гирея. «Мы знаем ее под очаровательным именем Марии, которое нарекли ей вещи струны певца ‘Бахчисарайского фонтана’», — продолжает Надеждин, будто никогда не изощрялся: «певец Фактыдура», «фонтаны заклеты для Пушкина». Если бы у читателя возникло на это счет недоумение, то дело объяснялось бы очень просто: Надеждин посетил в Крыму Бахчисарайский дворец, поразивший его до глубины души и открывший тайну «гения Пушкина».

Строго говоря, по жанру «Русская Алгамбра» — очерк-путешествие с включением в него трех рассказов из истории Крымского ханства. Рассказ первый относится к 1475 г.: в долине, на месте будущего Бахчисарая, в своем шатре едва не убит заговорщиками хан Менгли-Гирей, но в критическую минуту его спасает мангупский князь Исайко (Исаак). Рассказ второй — о дворцовых интригах и отречении от ханства Хаджи-Селим-Гирея в 1798 г. В третьем рассказе (лишенном романтического элемента в отличие от первых двух) показаны события 1783 г., когда Крым перешел в подданство России.

В результате «Русская Алгамбра» — довольно объемное (более 100 страниц убористого текста) произведение, в работе над которым (в частности, над историческими рассказами) Надеждин широко использовал труды по истории Крыма, о чем сам пишет в послесловии [8, с. 473–478]. Но собственно «очерковая» часть, в данном случае это описание Бахчисарая и Ханского дворца, должна базироваться на непосредственных впечатлениях автора. Возникает необходимость исследовательского историко-краеведческого комментария.

Н. И. Надеждин действительно путешествовал по Крыму летом 1839 г. с Д. М. Княжевичем, своим другом, попечителем Одесского учебного округа. Итогом этого путешествия и стала «Русская Алгамбра». Понятно поэтому желание читателя, как нынешнего, так и современного Надеждину, почувствовать в тексте нечто оригинальное, «надеждинское», то, например, чего не заметили путешествующие в Бахчисарай до него.

Здесь кстати будет сказать, что к моменту создания «Русской Алгамбры» Бахчисарай был описан неоднократно: Манштейном [4], И. М. Муравьевым-Апостолом [6], Ш. Монтандоном [5] и др. Нет никаких сомнений, что Надеждин достаточно подробно ознакомился с этими описаниями. Заметим, в частности, что вслед за И. М. Муравьевым-Апостолом он называет Бахчисарайский дворец Алгамброй: у Муравьева-Апостола — «таврическая Аламбра».

Остановим внимание и на изданном в Одессе в 1834 г. «Путеводителе путешественника по Крыму» Ш. Монтандона (Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée ornée de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précède d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. — Odessa, 1834). Это вообще первый в истории путеводитель по Крыму, причем очень добросовестно подготовленный. Он имелся во многих частных библиотеках Юга России. Издан был на французском языке. Так вот: если сравнить описание Бахчисарая (разумеется, в переводе на русский язык) в «Путеводителе...» Ш. Монтандона с описаниями Н. И. Надеждина в «Русской Алгамбре», то заметим откровенные совпадения.

Сравним несколько отрывков.

Ш. Монтандон при первом взгляде на город видит «мечети и многочисленные минареты, которые взвинчиваются всюду с пирамидальными тополями... на фоне изъеденных скал округлой формы» [5, с. 168].

Н. И. Надеждин: «Под ногами у вас лес мечетей и минаретов, вокруг которых толпятся домики прихотливой азиатской физиономии <...>. Яркая зелень роскошной южной растительности, виющая пышными узорчатыми гирляндами по узорной канве фантастически взгроможденных скал, каймит этот восхитительный ландшафт...» [8, с. 372].

Есть необходимость подметить, что крымские татарские домики имели, скорее, «неприхотливую» наружность, так как сооружались либо из дикого камня, либо это были плетневые строения, обмазанные глиной. Даже здание Бахчисарайского приходского училища было «частью плетневым, частью каменной постройки» [1, ф.108, оп. 1, ед. хр. 70, л. 28.]. Да и невозможно было постороннему разглядеть мусульманские жилища за глухими каменными заборами.

Еще замечание крымского жителя: скалы юго-западного Крыма (т. е. близ Бахчисарая) у Монтандона описаны точнее. Облизанные ветром, они действительно «венчают» зеленые холмы и, как правило, образуют широкие плато, на которых раз-

мещались пещерные города и средневековые крепости Чуфут-Кале и Мангуп-Кале, являющиеся ныне заповедными археологическими зонами. Любой крымчанин согласится, что «фантастически взгроможденные скалы» в «Русской Алгамбре» ассоциируются, скорее, с видами крымского Южного бережья.

Но продолжим сравнение.

Вот как пишет Ш. Монтандон о центральной улице Бахчисарая: «Главная улица, плохо мощеная, где с трудом могут разминуться два экипажа, представляет собой почти не прерывающиеся на протяжении полутора верст два ряда лавок и торговых палаток из дерева, открытых на улицу, что позволяет видеть, как этот народ подковывает быков, раскладывает товары, работает бритвой, месит тесто, разделывает мясо и занимается разными привычными ему ремеслами» [5, с. 168].

Надеждин о той же улице: «Главная бахчисарайская улица есть излучистый коридор бесконечного гостиного двора, такой узенький, что две маджары с трудом могут на ней разъехаться <...>. В распахнутых настежь лавках, которые по обе стороны улицы тянутся на протяжении почти двух верст... жители Бахчисарая «живут» в полном смысле слова <...>. Портной кроит платье, сапожник тачает сапоги, хлебник валяет тесто, мясник свежует баранов, кузнец стучит тяжелым молотом, цирюльник сверкает острою бритвою» [8, с. 375].

Настораживает «добавленная» Надеждиным сценка: «портной кроит платье». Мужчины-татары не шили одежду, это занятие женщины, но сидеть в лавке, на виду у всех, понятно, мусульманка не могла. Наверное, к месту здесь будет привести описание главной бахчисарайской улицы, увиденной в эти же годы (1837) Анатолием Демидовым: «Весь город состоит собственно почти из одной длинной улицы, простирающейся вдоль ручья Джурук-Су. По обеим сторонам ее тянутся дома и сады, расположенные по скатам узкой лощины. Между домами, из среды деревьев, возвышаются многие мечети с красивыми минаретами. Что касается до архитектуры обыкновенных домов, то она не отличается ничем особенным, кроме устройства труб, сквозных и сделанных в виде маленьких остроконечных башенок. Вдоль по всей большой улице расположены лавки и разные ремесленные заведения. Последние сохранили всю свою первоначальную простоту: в них и теперь приготавливаются такие же изделия, какия выработывались двести лет назад. В лавках выставлены и вывешены большею частию лишь следующие предметы: самая грубая глиняная посуда, простые ножи, большое количество весьма разнообразных изделий из сафьяна, бабуши или туфли, седла, кушаки, кошельки и т. д. Торговцы обыкновенно сидят в глубине лавки, с трубкою во рту, поджавши ноги, как везде на востоке.

<...> Кроме того мы видели хлебников. Мясников и цирюльников. Эти цирюльники играют здесь важную роль: они поэты, философы, политики; многим из них особенную важность придают огромные очки, которые они носят. <...> Все эти люди трудятся очень хладнокровно, с соблюдением величайшего спокойствия; нельзя описать того величавого вида, какой они соблюдают, продавая или покупая что-нибудь. Евреи-караимы торгуют исключительно разными тканями, овощными и колониальными товарами. <...> В заключение заметим, что описанная улица, составляющая почти весь город, плохо вымощена и что по ней беспрерывно разъезжают телеги, издающие несносный скрип; к ней примыкают некоторые переулки, ведущие в предместья, обитаемые низшими классами» [2, с. 331–332].

Разительные противоречия. Но обратимся еще к двум отрывкам.

У Монтандона читаем: «Торговля тканями, колониальными товарами и галантереей почти целиком находится в руках евреев-караимов с Чуфут-Кале, которые каждое утро спускаются со скал на ослах или мулах, чтобы идти торговать в больших лавках, а вечером вернуться к своим очагам» [5, с. 169].

Надеждин о том же: «То, что составляет торговлю в собственном смысле, не входит в круг занятий настоящих граждан Бахчисарая: ею занимаются здесь почти исключительно жида-караимы, обитатели отдаленного подоблачного предместия, известного под именем Чуфут-Кале, которые, ежедневно, с рассветом утра спускаясь в город, а к ночи возвращаясь в свое птичье гнездо на тощих, ленивых ослах, придают картине еще более оригинальности» [8, с. 376].

Дело в том, что, кто видел высоту Чуфут-Кале, тот никогда не назвал бы ослов — этих животных, поднимающих ежедневно груз на двухсотметровую высоту холма, — ленивыми.

Далее и Монтандон, и Надеждин описывают ханский дворец. Но у Монтандона, в отличие от Надеждина, вид дворца, «пустынного», «печального», хоть и ухоженного, будит в душе «горькие размышления о несчастных жертвах, которые томились <...> под тяжестью закона столь же позорного, сколь тиранического и варварского» [5, с. 170].

Проведенные наблюдения убеждают, что надеждинский текст во многом построен на заимствованиях. Почему так произошло? Почему Надеждин воспользовался «макетом» Монтандона, а не создал оригинальный очерк-путешествие? Да и что вообще известно о путешествии Надеждина по Крыму в 1839 г.? Ни один биографический источник не дает более конкретной датировки и не рассказывает об обстоятельствах поездки. Знаем лишь из «Записок» Н. Н. Мурзакевича [7], что путешествие состоялось летом 1839 г., причем поехал в Крым Н. И. Надеждин с Д. М. Княжевичем, с которым еще в 1835 г. совершил путешествие по Европе.

Д. М. Княжевич был попечителем Одесского учебного округа (в округ входили Таврическая, Екатеринославская, Херсонская губернии и Бессарабская область), ревностно исполнял свои служебные обязанности и регулярно инспектировал подведомственные учебные заведения. Можно предположить, что сроки его инспекторских посещений отразились в документах Таврической дирекции училищ. Тщательное изучение этих материалов в фондах Крымского архива привело к следующим результатам.

День выезда Д. М. Княжевича (стало быть, и Н. И. Надеждина) из Одессы — 22 мая 1839 г. — устанавливается по документам канцелярии попечителя: в мае 1839 г. последние документы, подписанные Княжевичем в Одессе, датированы 21-м числом [1, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 529, л. 17]. Уже 24 мая Княжевич и Надеждин посетили уездные училища в Алешках [ф. 100, оп. 1, ед. хр. 526, л. 90], 25 мая — в Перекопе [1, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 525, л. 8]. Следовательно, добирались они сухим путем по почтовому тракту Херсон — Алешки — Перекоп. 28 мая Д. М. Княжевич, как значится в архивных документах, осмотрел Карасубазарское приходское училище [1, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 83-б, л. 21 об.], 30 мая ревизовал «по всем частям» Феодосийское уездное училище, а 31 мая — уездное училище и частный девичий институт в Керчи [1, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 525, л. 33].

Карасубазар (ныне Белогорск), Феодосия, Керчь — юго-восток Крыма. Доехать в эти города, минуя Симферополь, невозможно. В Симферополе, как следует из документов архива, Д. М. Княжевич побывал в гимназии и татарском училищном отделении, и «при сем осмотре учебные заведения найдены в удовлетворительном состоянии по учебной части» [1, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 529, л. 67]. Но, к сожалению, дата этих посещений в отчетах не названа. Исходя из промежуточных сроков, полагаем, что это произошло 26–27 мая. Несомненно, останавливались наши путешественники на даче брата Д. М. Княжевича — В. М. Княжевича, председателя Таврической казенной палаты. Его дача Мариино находилась в 5 верстах от Симферополя (Ныне р-н Марьино в Симферополе. Дача не сохранилась. Сейчас на этом месте Симферопольское водохранилище). Впоследствии Н. И. Надеждин упомянул Мариино в книге «Род Княжевичей» (Одесса, 1842).

Срок отъезда из Крыма устанавливается также по документам канцелярии попечителя в Одессе. Первые документы, подписанные Д. М. Княжевичем по возвращении, датируются 6-м июня 1839 г. Теперь ориентируемся в сроках. Если Княжевич и Надеждин добирались до Одессы морем, то должны были выехать из Крыма 4 июня, чтобы 5-го быть на месте, если в экипаже — еще раньше. Значит, в распоряжении Княжевича, который 31 мая весь день работал в Керчи, оставалось три дня. За эти дни Д. М. Княжевич (возможно, и Надеждин) побывали в Кучук-Узени (имение Княжевичей, ныне с. Малореченское), а также Княжевич побывал в Алупке у М. С. Воронцова, где, как утверждает Н. Н. Мурзакевич, обратился с просьбой хлопотать о назначении Надеждина помощником попечителя. Воронцов уклонился от решения этого вопроса [7]. Поездка в Алупку едва укладывалась в полный световой день — с учетом дорог Южнобережья.

Решительной неожиданностью оказалось, что документы Бахчисарайского приходского училища (как и документы Севастопольского уездного училища) не содержат никаких указаний о посещении попечителем учебного округа, что странно, так как все официальные посещения, особенно столь высокие, фиксировались аккуратно. Между тем архивные училищные документы, относящиеся к этому периоду, сохранились полностью, вплоть до классных ведомостей. Стало быть, в 1839 г. попечитель вовсе не побывал в Бахчисарае? Да и оставалось ли на это время? Когда же Надеждин успел увидеть Бахчисарай?

Мы обязаны все же исходить из того, что Надеждин посетил Бахчисарай, но это могло произойти только при условии, если в Симферополе Д. М. Княжевич и его спутник разъехались, чтобы встретиться в Кучук-Узени: попечитель 28 мая поехал на восток Крыма: Карасубазар — Феодосия — Керчь, Надеждин — на юго-запад (Бахчисарай). В тексте «Русской Алгамбры», в самом его начале, находим незначительные «путевые» (от слова «путь») приметы описываемой местности: «В длинной, узкой и глубокой долине, прорезываемой потоком Чурук-Су (Название речки переводится: Грязная вода; речка, впрочем, пересыхает и становится «потоком» лишь во время паводков. — Л. О.) покоится Бахчисарай, бывшая столица Крымских ханов. Город обширный и многолюдный, он так притаился в своем ложе, что вы, подъезжая к нему, не предчувствуете его близости, сталкиваетесь с ним вдруг лицом к лицу. Взорам вашим, уже начинающим скучать однообразной дичью пустынных холмов, внезапно представляется чудная, обворожительная картина. Под ногами у вас лес мечетей и минаретов...» [8, с. 371–372]. Из этого текста угадывается, по крайней мере, дорога на Бахчисарай.

Но вновь обратимся к срокам поездки. В южнобережном имении Княжевичей Кучук-Узень (юго-восток Крыма, между Судакком и Алуштой) путники должны были съехаться (по той логике, если они разъехались, и Надеждин самостоятельно поехал в Бахчисарай) не позднее 1 июня. Дорога из Бахчисарая к Кучук-Узени чрезвычайно сложна: следует ехать дальше на Севастополь, Георгиевский монастырь, Байдарскую долину, к перевалу Шайтан-Мердвен (т. е. «обратной» крымской дорогой А. С. Пушкина в 1820 г.), а затем — по горным каменистым дорожкам южного берега, где экипажу часто не пройти, где нужно добираться верхом, пешком — даже на участке от Алушты до Кучук-Узени. Достаточно подробно трудности этой дороги описаны в путевых заметках академика Д. М. Перовшикова, друга детства Княжевичей, побывавшего в Кучук-Узени в 1852 г. [10, с. 30].

Ночной путь совершенно исключается. Воспользовался ли Надеждин, с большими ногами, этим маршрутом? (Хотя этот маршрут всегда привлекал путешественников). Или из Бахчисарая он вновь вернулся в Симферополь, чтобы отсюда по дороге через Ангарский перевал, уже достаточно обустроенной, добраться до Алушты и далее — до Кучук-Узени?

В любом случае на Бахчисарай приходится слишком мало времени — не более одного дня, а с учетом экипажного движения, остановок, отдыха — несколько часов. Разумеется, ни детально познакомиться с городом, ни, тем более, собрать «предания местных жителей», как это сказано в «Русской Алгамбре», Надеждин не имел возможности. А потому его поверхностные впечатления и не могли послужить материалом для добротного очерка.

Несомненно, однако, что Надеждина, гостя, должен был сопровождать кто-то из крымских знакомых, кто хорошо знал эти самые «предания» Бахчисарая. Выскажем предположение, что это был И. С. Андреевский, советник Таврической казенной палаты, корреспондент и сотрудник только что образованного Одесского общества истории и древностей. Его статьи «Воспоминания о Колхиде» и «Развалины Мангупа» помещены в «Одесском альманахе», редактированном Н. И. Надеждиным. Кстати, статья «Развалины Мангупа» имеет характерную помету: «Симферополь, 1839».

Завершив статью достаточно простым объяснением, почему Надеждин все же выбрал «бахчисарайскую» тему для очерка в «Одесском альманахе». Разумеется, ему хотелось избавиться от закрепившейся за ним славы «ругателя» Пушкина, особенно в Одессе, где Пушкина почитали и где Надеждин после северной ссылки имел планы обустроиться надолго. Для этого использовался всякий повод (например, «Литературная летопись Одессы» Н. И. Надеждина в «Одесском альманахе на 1840 год»). А возвратиться к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина, написав очерк о Бахчисарае, представлялось случаем особенно удачным. Насколько это было актуальным для Надеждина, видно из его письма к А. А. Краевскому от 29 января 1840 г.: «... Назад тому десять лет, при вступлении моем на литературное поприще, я <...> имел смелость восстать против Пушкина <...>. Я даже «ругал» его, если хотите <...>. Я сам отрекаюсь теперь от моих тогдашних выходок <...>. Образ мыслей моих, мой взгляд, моя, так сказать, душевная организация с тех пор значительно переменялись <...>. И это высказываю я громко <...>. Что же может тянуть меня за язык теперь и принуждать к притворству?.. Пушкин, верно, умел ценить меня <...>. Я имею от него письма. И все это было после моих критик! Стал ли бы он поступать так, если бы в статьях моих против него была злоумышленность?.. Будет время, когда я изложу в

подробности и перед публикою не защищение свое (защищаться мне не в чем), но историю моего внутреннего развития и происходивших во мне *переворотов* (выделено мною — Л. О.): тогда объяснятся и мои отношения к великому незабвенному поэту» [9, с. 150–151].

Конечно, письмо это может показаться «безусловно искренним» (С. Осовцов), так как свидетельствует о действительных настроениях и намерениях Надеждина. Но как воспринимать эти настроения в ретроспективе отношений с А. С. Пушкиным? Может быть, так, как воспринял Пушкин в январе 1831 г. очередное «перемирие» с Надеждиным и написал М. П. Погодину: «Мы живем во дни переворотов — или переборотов (как лучше?)» [11, с. 9].

Литература

1. Государственный архив в Республике Крым (ГАРК).
2. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского университета и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. М.: В типографии Александра Семена, 1853.
3. Манн Ю. В. Факультеты Надеждина // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972. С. 3–44.
4. Манштейн Х. Описание дворца хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки. 1824. № 51. Ч. 19. С. 75–84.
5. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предварённый введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2011.
6. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.
7. Мурзакевич Н. Н. Записки // Русская старина. 1887. № 12. С. 649–675.
8. Надеждин Н. И. Русская Алгамбра // Одесский альманах на 1839 год. Одесса, 1839. С. 371–478.
9. Осовцов С. Кто был автором «Литературной летописи Одессы»? // Русская литература. 1966. № 1. С. 150–151.
10. Перевошиков Д. М. Поездка из Петербурга в Крым и обратно // Современник. 1853. Т. 37. С. 1–38.
11. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Письма. 1831–1837. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.